

В. Г. Белинский

Сельское чтение...

Виссарион Григорьевич Белинский

Сельское чтение...

«Эта книга, не принадлежа собственно к тому, что обыкновенно называется «литературою», – тем не менее принадлежит к важнейшим произведениям современной литературы и весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм – даже «патриотических». Явление такой книжки, как «Сельское чтение», должно радовать всякого истинного патриота, всякого друга общего добра. Бедна наша учебная литература, беднее ее наша детская литература, и мы сказали бы, что беднее всех их наша простонародная литература, если бы только у нас существовала какая-нибудь литература для простого народа...»

Виссарион Григорьевич Белинский Сельское чтение...

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ. Книжка, составленная из трудов: А. Ф. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Победина, К. Ф. Энгельке, князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заболоцким. Санкт-Петербург. 1843. В типографии министерства государственных имуществ. В 8-ю д. л. 133 стр.

Эта книга, не принадлежа к собственно к тому, что обыкновенно называется «литературой», – тем не менее принадлежит к важнейшим произведениям современной литературы и весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм – даже «патриотических». Явление такой книжки, как «Сельское чтение», должно радовать всякого *истинного* патриота, всякого друга общего добра. Бедна наша учебная литература, беднее ее наша детская литература, и мы сказали бы, что беднее всех их наша простонародная литература, если бы только у нас существовала какая-нибудь литература для простого народа. Целые горы бумаги ежегодно печатаются для него под названием «Похождений Георга, аглицкого милорда», «Похождений Ваньки Каина», «Анекдотов о Балакиреве» и серобумажных книг, вроде «Разгулья купеческих сынков в Марьиной роще», «Козла-бунтовщика» и т. п. Все эти пошлости расходятся: стало быть, их покупают и читают. Но какая же польза от этих книг? – Пользы никакой, а вред может быть: от них только грубеют и без того грубые понятия

простолюдина, тупеет и без того неизощренная его мыслительная способность. Был некогда на Руси почтенный человек – профессор *Николай Курганов*; издал он книжицу, или, лучше сказать, книжищу: «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия, с присовокуплением книги: «Неустрашимость духа, геройские подвиги и примерные анекдоты русских» и с таковым замысловатым эпитафам:

*Духовной ли, мирской ли ты? прилежно се читай:
Все найдешь здесь, тот и другой;
но разумеешь смекай.*

Книга эта имела успех чрезвычайный: еще в 1796 году была напечатана она уже *шестым* изданием и до сих пор еще перепечатывается так, как была, без изменений, только разве с выпуском кое-где смысла. Для своего времени эта книга – просто золото; теперь она никуда не годится[1]. И не нашлось на Руси ли одного литератора, который бы издал для народа такую же книгу, только сообразную с требованиями нашего времени, в отношении к языку

и выбору статей! Кроме изданной г. Максимовичем «Книги Наума о великом божием мире»[2], не было ни одной замечательной попытки написать что-нибудь полезное а вместе завлекательное для простого народа. Да и самая книжка г. Максимовича оказалась неудовлетворительною. Простой народ похож на ребенка, только говорить с ним еще труднее: у ребенка ум мягок, как воск, и чужд всяких привычных понятий, а у простого народа ум и неразвит и упрям: за него надо приниматься умеючи и с толком. Главное правило тут – не торопиться, не желать сделать многое вдруг, не высказывать всего зараз и всегда держаться в уровень с понятием простолюдина. Избегая книжного языка, не должно слишком гоняться и за мужицким наречием: простолюдины обыкновенно недоверчивы к собственному способу выражения и думают, что бары смеются над ними, говоря *по-печатному* их глупым языком. Простота языка должна, в этом случае, быть только выражением простоты и ясности в понятиях и в мыслях.

«Сельское чтение» вполне удовлетворяет

всем этим требованиям. Оно знает, с кем имеет дело, и не потчует паштетами того, кому калач в сласть и лакомство. В книгах такого рода обыкновенно думают, что дело в шляпе, если наговорили с три короба нравоучений. «Сельское чтение» понимает, в каком нравоучении нуждается наш народ, и, как искусный врач, оно не лечит от подагры человека, который пьет не шампанское, а сивуху. Внушая простому человеку правила религии, преданность и благодарность престолу, «Сельское чтение» постоянно держится в сфере быта и положения простого человека, – в сфере чисто практической. У всякого народа свои добродетели и свои пороки, и с каждым народом поэтому должно говорить особенным языком. Русский мужик вообще кроток и спокоен, как северянин и притом *славянин*, необыкновенно смышлен и сметлив; но в то же время он ленив и телом и умом; чтоб скорее отделаться от работы, любит делать все на «авось». Авось – это болезнь русского человека; это такой же нравственный его недостаток, как у швейцаров[3] физический недостаток – кретинство (*cretinisme*). И «Сельское чтение»

ние» представляет целую повесть об «авось», которая простому крестьянскому уму покажется изящнее всякого романа Вальтера Скотта, убедительнее истины, что когда солнце светит – светло бывает. Потом, к числу пороков русского крестьянина принадлежит страсть зашибаться хмелиной; к этой страсти присоединяется нерасчетливость, составляющая общий недостаток русского человека, который как будто рождается миллионером и уважает только *рубли*, а с копейками и гривнами, из которых составляются рубли, обходится, как с сором: и на этот счет «Сельское чтение» предлагает поучительный «Рассказ о том, как крестьянин Спиридон научил крестьянина Ивана не пить вина, и что из того вышло». Русский человек по натуре своей склонен к повиновению властям, но по неразвитости своей не всегда умеет понимать благие намерения власти, особенно если эти намерения для него новы и непривычны. Тогда людям, которые любят в мутной воде рыбу ловить, весьма легко смущать и сбивать с толку мужика злонамеренными объяснениями простого дела. Так, например, теперь му-

жик не вооружается против прививания коровьей оспы детям его, но прежде он смотрел на эту меру благодетельного правительства, как на что-то страшное, грозящее гибелью... Нельзя не отдать справедливости уменью и ловкости, с какими «Сельское чтение» внушает простому народу безусловное доверие к распоряжениям правительства. Чтоб показать это читателям, выписываем отрывок из «Разговора между тремя крестьянами в селе Михайловском»:

Тришка. – Слышь, объявлено предписание, чтоб сажать картошку.

Тихон. – То есть картофель, или земляные яблоки; да что ж тут важного?

Тришка. – Говорят-де, небывальщина.

Тихон. – Ну так что ж? Велят и делай.

Мужику ли рассуждать, когда начальство приказывает. И то сказать, вам, дуракам, все то кажется небывальщиной, чего не было на ваших памятях.

Не почитали ли вы указа, чтоб не стрелять дичи с 1 марта по Петров день, новым, тогда как им подтверждается лишь давний закон.

Тришка. – Гм, гм... Стало быть, о кар-

тошке уж был указ?

Тихон. – То-то, глупый вы народ! Сами не знаете, о чем толкуете. Предписание о посеве картофеля и наставление, как за ним ходить, было издано еще в царствование блаженной памяти государыни императрицы Екатерины Алексеевны.

Старик, упоминая о великой государыне, снял шляпу и, перекрестясь, прошептал: «Помяни ее, господи, во царствии твоём».

Тут подошел еще один крестьянин, широкоплечий, с рыжею бородою.

Тихон. – Здравствуй, Филат; кажись, и ты из кабака?

Филат. – Да, был на сходке стариков: посмекали кой о чем.

Тихон. – И пропили последний рассудок.

Филат. – Пропили рассудок? да за него целовальник вина не даст!

Тихон. – Эх ты, дуралей!

Тришка. – Ха, ха, ха!

Тихон. – На чей же счет вы пили? Уж не на мирской ли?

Филат. – Поди-ка! Нынче не прежнее время, не приходится старикам пить на мирской счет. Такого-де расхода,

толкует писарь, не уломаешь в отчет. Там все, слышь, объясни и выкажи до последней денежки.

Тихон. – Так и надобно. Конец миру-едам. Все мирские доходы должны быть на счету, все поборы определены или общим законом, или частными предписаниями начальства; словом, общественный приход и расход должен быть чист, как стекло.

Тришка (почесывая затылок). – Вестимо, Парамоныч!

Филат (призадумавшись). – Никак намедни то ж толковал окружный.

Тихон. – Да, да, ни копейки не должно быть ни из мирских доходов израсходовано, ни с крестьян взято безгласно и безотчетно. Никому не дозволено щетиться от государственных крестьян.

Старик Парамоныч, сняв шляпу и возведя взор к небу, с видимым благоговением произнес: «Ущедри, господи, своими благами нашего благочестивейшего царя-надежду; он любит нас и печется о своих подданных, как родной отец».

– Что же ты, Филат, не расскажешь, о

чем судили и рядили вы в кабаке?

Филат. – Кажись, Трифон Гаврилыч уж сказывал тебе, про что там калякали.

Тихон. – Про картофель; да о чем тут было толковать?

Тришка. – Слышь, Дурковская волость не хочет садить картошку.

Тихон. – Чего доброго! Дьявол во все мешается; он того лишь и ищет, чтоб смутить людей. Но дурковских строптивцев уймут, они будут сажать картофель и еще скажут начальству спасибо за то, что научило их уму, разуму. А вы-то? Неужели так же смекаете, как бы не выполнить повеленного?

Филат. – Да слышь, картошка-то – зелье поганое.

Тихон. – Поганое? Исполать! вот те новость. Это суеверие откуда взялось? Разве картофель не богом же создан?

Богом, который «произвел траву скотам и злак на службу человекам»?

Смыслите вы, невежды, что значит «поганные»? не картофель поган, вы-то поганы, замышляя не слушать начальства. Знаете ль, «что нет власти не от бога» и что православный христианин веру свою наипаче показывает в

преданности царю и покорности установленным от него властям?

Филат (почесываясь). – Вестимо, Парамоныч, кому лучше знать все это, как не тебе: ты человек грамотный, а мы люди темные.

Тихон. – Темные, а гомозитесь. Разве слепой Анкудин упирается, когда его водят? Темному должно тем охотнее слушаться и следовать указаниям тех, которые пекутся о нем, что у него и в башке и в глазах темно!

Филат. – Не что!

Тришка. – Однако бывают же грибы поганые.

Тихон. – Вот то-то и есть! Народ прозвал их погаными, потому что они ядовиты, вредны, человеку в пищу негодны. Но кто может сказать это о картофеле? Картофель пища самая здоровая, вкусная, сытная; картофель не только можно готовить для еды вареный, но даже смешанный с мукою ржаною или пшеничною, он дает сытный и вкусный хлеб. Притом картофель родится почти всякий год, если его не лениво опахивают или окапывают; короче, это растение одно из

лучших даров, которыми божия щедрость наделила человека. А тебе, Тришка, все это достаточно известно. Ты жил под городом, где крестьяне давно уже сеют картофель, и сам, как сказывал мне, охотно ел его. Здесь же ты прикидываешься и поешь старую песню дураков. Не правду ли я сказал? Ну, скажи, из чего ты криводушничает: из алтына или из чарки вина?

Тришка. – Что ж? С волками жить, по-волчьи и выть.

Тихон. – Да, двуязычничать куда как хорошо!

Филат. – Но воля твоя, Парамоныч, все-таки хлеба на картофель по сменяешь?

Тихон. – Ой ты мне, Филат Филатович! Кто велит вам, дуракам, сменять хлеб на картофель? Он вводится начальством лишь как лучшее подспорье хлебу. В голодные годы люди едят мякину, солому, траву, древесную кору, белую глину и бог знает что; не лучше ли в такую годину есть картофель?

Тришка. – Что говорить? Не дай бог дожить до другого такого года, каков был лет за восемь, кажись, третий по-

сле холеры. Жутко приходилось народу; ели и в нашей волости глину.

Филат. – Ели, да не наедались, пухли и мерли с голоду.

Тихон. – Вот то-то; помните же это и слушайтесь желающего вам добра начальства. Статочное ли дело, чтоб оно наводило вас на дурное? Ведаете ль, что в тех землях, где сеют много картофелю и где вообще земледелец не на одном хлебе сидит, никогда голоду не бывает?

Филат. – Как тебе не знать, Парамоныч, от тебя ль что сокрыто? ты, чай, всю подноготную изведal. Но вот что: отчего ж в Дурковской волости топыряются?

Тихон. – Какой-нибудь ярыжка взбаломутил там народ, чтоб потом в мутной воде рыбу ловить. Ох мне эти баломуты! Распустят слух тишком, а сами и в сторону, как ни в чем не бывали, никак потом не доберешься до них. Несколько лет назад тому раздавались от начальства домохозяевам печатные таблицы, чтоб записывать в них все денежные сборы, какие делаются с их душ. Казалось бы, дело ясное,

святое – ограда от всех беззаконных и излишних поборов; по что же приключилось в одном селе! Какая-то гадина свистнула двум, трем простофилям на ухо: «Не берите-де таблиц, зачем-де вам таблицы? это все выдумки, которых встарь не бывало; жили же и без таблиц! это-де мудрят одни начальники!» Слышь, как будто без царской воли смеет кто установить что-нибудь? Одурачивши простаков, гадина нырнула опять в болото, а старичишки и заартачились. Пошло бормотанье по всей волости: «Не хотим де таблиц, не берем таблиц!» Пришлось начальству наказать упорнейших, и все приняи таблицы. Вот теперь с картофелем та ж оказия. Коли дурковские топорщатся, им же будет хуже.

Едва ли кто не согласится, что мы не могли сделать лучшей похвалы «Сельскому чтению», как выписав этот отрывок. Прибавим к тому, что вся книга написана в таком же духе и с такою же мастерскою манерою изложения. Всех статей в «Сельском чтении» 16; по содержанию их можно разделить на два разряда – нравственные и учебные. К числу пер-

вых принадлежат: «Отец Василий» г. Загоскина; «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро» кн. Одоевского и г. Заблоцкого; «Незванный советчик», «Притча о Дятле» и «Притча о Дубовой бочке» г. Даля; «Разговор между тремя крестьянами в селе Михайловском» г. Энгельке; «Рассказ о том, как крестьянин Спиридон научал крестьянина Ивана не пить вина, и что из того вышло» г. Победина; «Кто делает на авось, у того все хоть брось» г. Иванова. К статьям второго разряда принадлежат: «О том, какой хлеб какую землю любит и как надобно пахать землю, чтоб хорошо хлеб родился» г. Заблоцкого; «Грамотка, писанная со слов крестьянина Сидора сыном его Тимошею» г. Волкова; «Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что все это пригодно» кн. Одоевского; «О том, что называется миром и что такое земля, – и о том, как велико славное русское государство и что в нем есть» и «Рассказ о том, откуда пошло русское государство, как оно было и какие великие дела в нем сделали православные государи» г. Заблоцкого; «О мерах, весах и деньгах»; «Расчет о том, сколько можно сбе-

речь денег, не пивши вина вовсе» г. Гадурина.

И этот последний разряд статей, по выполнению, не оставляет желать ничего лучшего; но особенным мастерством изложения отличаются – русская история г. Заблоцкого и «Что такое чертеж» кн. Одоевского. Первая рассказана на *семнадцати* страничках, – и между тем в ней сказано все, что нужно и можно знать, на первый случай, ничего не знающему простому человеку. «Рассказ» оканчивается историею Петра Великого, занимающею с *небольшим девять* страниц. Какие православные государи царствовали после Петра Великого, о том автор обещает своим читателям рассказать особо. – В статье кн. Одоевского ни слова не говорится об экваторе, эклиптике и тому подобных мудростях, непостижимых для простого ума; ее цель проще, зато и действительнее: это – снять кору с грубого ума и натолкнуть его на размышление о том, что за штука такая чертеж и к чему он пригоден. Без этого толковать о мысленных кругах земли и неба – значит только тешить самого себя. Кн. Одоевский прекрасно выполнил свое дело, как это сами читатели могут видеть:

В конце этой книжки приложен чертёж; разверни и посмотри на него попристальнее; здесь дело любопытное и полезное. Ты видишь: в одном месте написано Москва, в другом Киев, в третьем Волга. Хочешь ли знать, что все это значит и для чего это?

Объясню тебе примером: положим, что у тебя родные на дальней стороне; ты к ним приехал повидаться, вот дядя у тебя спрашивает: «А что, Ванюша, как поживаешь? Я слышал, тебе, по милости начальства, новую избу выстроили; расскажи-ка, как у тебя что, где что стоит? Сперва, где святые иконы у тебя стоят; а потом скажи, где у тебя стол, где печка с полатями, где поставец, где окошко?»

Вот ты и начнешь рассказывать; только говорком все непонятно, то и дело сбиваешься, и дядя-то в толк не возьмет. Хочешь ли, чтоб и тебе легче было рассказать и дяде-то было бы понятнее? Ты возьми уголек да лист бумаги, а не то хоть доску, да проведи по ней угольком черту: вот-де стена, а вот другая, вот третья и четвертая; вот здесь-де дверь, а против нее в пе-

реднем углу иконы стоят, а в том же углу стол, а вокруг скамьи; вот здесь печка, а тут дверь в чуланец; и, вестимо дело, стены избы большим четырехугольником обозначишь, а нечку, например, маленьким. Дядя понял: «Хорошо, – говорит, – ты живешь; все у тебя на порядках; благодари господу бога и своих набольших; только я не вижу, где у тебя закут, где хлевок для скотинки, где двор, где колодец и все, что для хозяйства потребно?» Вот ты хочешь начертить, где у тебя хлевок, ан видишь, что у тебя доски не хватает, не поместить на ней и избы и двора. Что тут делать? Ты сотри, что начертил, да и черти другое; а другое вот что: проведи черту одну, другую, третью, четвертую, как доски хватает, и скажи: вот-де двор, а во дворе здесь закут, здесь хлевок, здесь колодец, а здесь вот изба. Только, сам ты разумеешь, что уж тут нельзя такой большой избы начертить, как ты прежде чертил, а можно ее обозначить лишь маленьким четырехугольником; а в этом маленьком четырехугольнике уже нельзя начертить ни где двор, ни

где печка, ни где поставец.

Дядя понял: «Хорошо, – говорит, – вижу, что все у тебя как следует; только я не вижу, как у тебя на улице дом стоит, где у тебя огород, где поле, где у тебя соседи живут».

Как тут быть – как сделать, чтоб дяде внятнее было? – Да опять по-прежнему.

Сотри, что начертил, да и черти снова: маленьким четырехугольником означь дом с двором; а вот здесь-де улица идет, а против моего дома брат Никитка живет, по левую сторону Семка слесарь, а по правую Устиновна вдова; а вот здесь у меня огород, а за огородом канава, чрез канаву мосток, а с мостка озимое поле. Начертил – дядя понял; только посмотри: уже там, где ты свой дом начертил, уж там не можешь означить ни хлева, ни колодца, потому что места на доске не хватает.

А дядя все спрашивает: «Где же, – говорит, – у вас тут лес, где ваши земли под чужие подходят?» Нечего делать, сотри, да и черти снова на той же доске. – Вот-де наша деревня, а от деревни

вон тянется большая дорога да подходит к реке, а по правому берегу наш лес и наша мельница, а чрез реку соседние заливные луга, а река-то тянется да подходит к городу, и так далее, что знаешь. Но только заметь опять: на этом чертеже уж и дома твоего не видать, да и всю деревню-то должен означить точками, а вместо дороги у тебя одна черта, да и вместо реки-то тоже.

Теперь ты уж понимаешь, что чем больше земли хочешь обхватить, тем мельче у тебя черты на доске будут выходить. Например, хотел бы ты весь уезд начертить, где в нем город, где село, где деревня, где лес, где река, где дорога, – то уж на таком чертеже и всю деревню твою должен одной точкой означить.

Что я сказал об уезде, то разумей и о губернии, что о губернии, то о целой нашей матушке России, которая божьей волею куда широко раскинулась. Оттого можно с уменьем да с мерою всю нашу матушку Россию на план нанести; а что об России, то и о других землях разумей. Вот перед тобою на

чертеже часть земли, которая называется Европой и об которой скажем после больше: вот ты видишь здесь Россия, с окружными землями; начнем хоть сверху; вот смотри: на полночь лежит Петербург, а под него подходит Балтийское море; к западу идет Пруссия, где живут наши союзники, а возле на полдень Австрия, или Цесария, где также наши союзники, все народ немецкий, смышленный, торговый, занимается всякими ремеслами и фабриками и к нам приезжает. Дальше к полудню Черное море, оно одной стороной к Одессе, а другою к Царьграду подходит. Заметь, какие славные реки в Черное море втекают: и Днестр, и Буг, и Днепр; далеко, далеко за Черное море на полдень стоит Иерусалим, где гроб господень; то же море подходит и к Кавказским горам, а за теми горами на восток Каспийское море, в которое втекает наша Волга-матушка; видишь, как она по святой Руси тянется, всюду погибает: из Астрахани и в Саратов, и в Симбирск, и в Казань, и в Нижний Новгород, и в Кострому, и в Ярославль, и в

Рыбинск, и в Тверь; так что ты из Твери вниз до самой Астрахани можешь спуститься, ибо ты знаешь, я чаю, что всякая река в море бежит. В Каспийское же море на востоке втекает река Урал; а там идут Уральские горы, где есть и серебро, и золото, и медь, и железо. За Уральскими горами на восток и на север распахнулась Сибирь, о которой мы вдругоредь особо поговорим. От Уральских гор на север Белое море, что подходит к Архангельску; а от Белого моря, не так чтобы далеко, Ладога, а тут и Петербург. Вот видишь, перед тобой большая часть России, как на ладони, и Москва посередке. Польза таких планов, или, как их называют, карт, – не малая; на первый раз хоть для того, чтоб знать, где какой город лежит, какая к нему дорога, идет ли рекою или через реку. А еще польза другая есть, и вот какая: ты знаешь, что государь приказал всем межеваться, для того чтоб всякому своим угодьем владеть безобидно на вечные времена, у соседей земли не отнимать, да и своей без толку не отдавать. Вот для того, ты видел, я чаю,

ездят землемеры и также планы чертят, только немного помудрее, нежели как мы с тобою чертили. Видишь, в чем дело: когда в деревне плана на землю нет, та деревня то и дело что ссорится с соседями. Вы говорите: «Эта земля наша», – а соседи толкуют: «Нет, не ваша, а наша, а вы неправо запахали». Вы свое: «Наша земля, вот и старики запомнят, испокон века наша». Хватить за стариков, а старики-то давно умерли. Вот чтоб не было таких споров да толков, государь и велел планы делать на все деревни и все угодья означать. Ты видел, землемеры прежде землю смеряют, а потом на план нанесут; только как же это они делают? А вот как: нельзя такого листа бумаги достать, чтобы всю землю, как она есть, начертить, да и девать-то такого листа некуда – не особые же хоромы для него строить; землемеры и чертят так же, как мы с тобою для дяди твой дом и деревню чертили. Только вот разница: ты чертил наобум, а они с мерою; а чтобы большую землю деревни с угодьями или уезд на малом листе начертить,

то и у них за десятину земли, на плане, вершок отвечает; то есть коли на земле у кого три десятины вокруг, то на плане они ее чертят в три вершка вокруг; где полдесятины – там на плане полвершка; где четверть десятины, там четверть вершка и так дальше. Вот зашел спор: сколько у такой-то деревни десятин леса? Стоит только по плану смерить: сколько на плане вершков, столько на земле и десятин. Ты сам разумеешь, что вместо вершка может на плане, смотря по листу, и полвершка и четверть вершка за десятину или сажень отвечать; стоит только на том уговор положить; а для этого посмотри вниз плана; там двойная черточка, Другими чертами разделено и подписано столько-то саженей; та черточка называется масштаб; она для того делается, чтобы видеть, какая мера на плане за десятину отвечает. Посмотрел, смерил, и всему спору конец; тотчас видно, откуда и докуда чья земля идет.

Так вот тебе, что такое план, или карта, и какая от них польза. Оно с ви-

ду кажется трудно, а выразишь, то легко, понятно и на дело пригодно. Коли выразишь, то вдругоредь еще потолкуем: авось-либо доберемся и до того, как бы самому для себя землемером быть и какая от того крестьянском быту польза есть. Русскому смышленому человеку не невидаль какая такое дело понять; но это вдругоредь, а теперь скажу тебе только одно:

Не забывай молиться богу за батюшку царя, который приказал всем межеваться и земли на планы наносить, чтобы всякий жил безбедно, бесспорно свое бы знал, чужого не отнимал и своего не терял.

Книжка украшена простыми политипажными картинками и виньетками, сообразно содержанию. И это очень хорошо: простые люди, что малые дети, – *наглядность* и заохочивает их к чтению и помогает понимать читаемое. Картинок числом семь, из них одна – очерк с картины Венецианова: «Мать, которая учит детей своих молиться», а другая – очерк с портрета Петра Великого.

Есть люди (каких людей не бывает на бе-

лом свете!), которые от души убеждены, что крестьянину нужны щи да каша, а грамота бесполезна. Слава богу, время начинает обнаруживать ту великую истину, что без ума не будет и щей с кашей, а ум родит грамота. Сверх того, нет ничего труднее, как вразумлять дикаря: вы хлопчете о его же благе, а он, если не может оказать вам прямого сопротивления, упрямством своим и равнодушием без явного противодействия разрушает самые лучшие ваши планы, для выполнения которых вы жертвовали и сном, и спокойствием, и удовольствием. Вы велите ему сеять картофель, чтоб его же спасти от голодной смерти, а он твердит, что *картошка* – трава поганая, проклятая... Но если на свете так много глупых умников, ханжей и изуверов, которые смотрят с ненавистью на всякое преуспевание, на всякий шаг вперед, то утешимся мыслию, что на том же белом свете бывают и люди, твердые волею, светлые умом и благословенные провидением на выполнение и осуществление его благих преднамерений... И да будут честны и славны из рода в род имена таких людей, под просвещенным покровом которых

каждый может возложить свою посильную лепту на алтарь общего блага!..[4]

Комментарии

«Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе» (1782) и «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каином» («Похождения Ваньки Каина», 1777) – романы М. Комарова. «Козел бунтовщик, или Машина свадьба» (1841) – роман Н. Базилевича. «Полное собрание анекдотов Балакирева, шута, бывшего при дворе Петра Великого» и «Разгулье купеческих сынков в Марьиной роще» (1836) – произведения лубочной литературы. Первое издание «Письмовника...» Курганова вышло в 1769 г., одиннадцатое – в 1831, последнее издание его книги – М., «Художественная литература», 1976.

[^^^]

«Книга Наума о великом божием мире» вышла в 1833 г.

[^^^]

Швейцарцев, жителей Швейцарии.

[^^^]

Рецензируемая Белинским книга «Сельского чтения» действительно имела ряд достоинств и – главное – была неизмеримо выше распространенных среди крестьян лубочных изданий. Это заставило Белинского приветствовать первые книги «Сельского чтения». В последующих выпусках нравственные принципы, проповедуемые большинством рассказов «Сельского чтения» (смирение, рабская покорность, полное пренебрежение к чувству человеческого достоинства в крестьянах), вызвали резкую отповедь Белинского.

[^^^]